

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL

СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ
(МАЙ–АВГУСТ 1939 Г.)

DOI: 10.25629/НС.2020.02.01

Гусев А.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых ученых (проект МК–6084.2018.6)

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме советской внешней политики накануне Второй мировой войны и ее перцепции французской прессой. В центре внимания автора – то, как изменение внешнеполитического вектора СССР воспринималось в одной из ведущих западных демократических стран – во Франции.

Ключевые слова: СССР, Франция, Германия, внешняя политика, переговоры.

Весна и лето 1939 г. были решающим периодом для определения линии внешней политики Советского Союза накануне Второй мировой войны. Поворот советского руководства от переговоров о союзе с Великобританией и Францией к заключению Пакта о ненападении с гитлеровской Германией (от 23 августа 1939 г.) существенно повлиял на ситуацию в мире и сразу же вызвал противоречивые отклики. По сей день оценка этих событий и их последствий продолжает вызывать научные и общественные дискуссии (Гришаева, 2019, с. 16-40).

Отношения между Советским Союзом и Францией в конце 1930-х гг. представляли собой важный аспект международной политики. Если бы трехсторонние переговоры о взаимопомощи в Москве завершились успехом, Франция могла бы стать союзником СССР уже в 1939 г. Однако этого не произошло, и после заключения советско-германского Договора о ненападении отношения Москвы и Парижа ухудшились. Степень ответственности за это каждой из сторон остается дискуссионным вопросом, но очевидно, что такая ситуация стала результатом внешнеполитических решений (или, напротив, нерешительности) руководства обоих государств. Среди факторов, повлиявших на внешнеполитическую линию Франции, можно отметить общественное мнение, которое не могло не учитываться политиками в стране с демократической формой правления. Одним из проявлений общественного мнения являлись публикации в печатных средствах массовой информации. Отражая настроения различных групп общества и политических течений, пресса одновременно влияла на эти настроения, участвуя в их формировании. Поэтому для полноценного понимания условий, в которых принимались внешнеполитические решения руководства Французской Республики, необходимо рассмотрение существовавшего в стране медийного дискурса по международным вопросам. Частью этого дискурса являлось освещение и обсуждение во французской прессе вопросов француско-советских отношений и внешней политики СССР.

После прихода к власти в Германии в 1933 г. нацисты и их лидер А. Гитлер взяли курс на территориальную экспансию. В марте 1938 г. Германия осуществила аннексию (аншлюс) Австрии. Затем нацистское руководство стало претендовать на часть территории Чехословакии

(Судетская область). Вместо того чтобы с самого начала дать решительный отпор экспансионистским стремлениям гитлеровской Германии, руководство Англии и Франции попыталось умиротворить агрессора, чтобы избежать войны любой ценой. В результате 30 сентября 1938 г. в Мюнхене руководители Англии, Франции, Германии и Италии подписали соглашение о передаче Судетов Германии. Одной областью Гитлер не удовлетворился и 15 марта 1939 г. захватил всю Чехословакию, не встретив никакого отпора. Имелись серьезные основания полагать, что на этом фюрер не остановится. Угроза миру со стороны гитлеровской Германии нарастала.

Вскоре после этого, в конце марта 1939 г., начались дипломатические консультации с целью обсудить возможности заключения соглашения между СССР, с одной стороны, и Англией и Францией – с другой, чтобы остановить агрессора. На преодоление взаимного недоверия потребовалось время. В итоге 27 мая 1939 г. послы Англии и Франции сообщили советскому правительству о готовности заключить тройственный пакт о взаимопомощи. Он нужен был для того, чтобы обезопасить Европу от гитлеровской агрессии, создав ей противовес на континенте. Москва оценила этот проект как шаг вперед, но указала на необходимость некоторых малозначительных доработок. 2 июня 1939 г. Франции и Великобритании был вручен советский проект соглашения трех держав (Белоусова, 1976, с. 373). 14 июня 1939 г. английская и французская делегации прибыли в Москву, и на следующий день начался очный этап трехсторонних переговоров.

Французское общественное мнение в целом позитивно отнеслось к началу трехсторонних переговоров, что нашло отражение на страницах газет всех политических оттенков, за исключением «Аксьон франсез» – печатного органа одноименной организации крайне правого толка. Один из ее ведущих публицистов – Леон Доде – писал 24 июня 1939 г.: «Все здравомыслящие люди задаются вопросом: к чему соглашения и даже альянс Англии и Франции со страной – Советами – которая не имеет армии, расстреляла всех своих военачальников за измену и подписала после Рапалло несколько секретных договоров с Германией?» [3]. По мнению французских крайне правых, подчеркивавших свой патриотизм и потому не склонных поддерживать Германию, союз против Гитлера следовало заключить с фашистской Италией, которой они симпатизировали. При этом полностью игнорировался факт тесного сотрудничества Германии и Италии, заключивших между собой 22 мая 1939 г. «Стальной пакт» о военном союзе и дружбе.

О единении в положительной оценке переговоров большей части политических сил Франции наглядно свидетельствует, например, опубликованное в коммунистической газете интервью с Андре Марти-Кагра, входившей в руководство СФИО – Французской социалистической партии. По вопросу о значении возможного соглашения между Англией, Францией и СССР она, в частности, отметила: «Никто за исключением тех, чьи симпатии к фашистским государствам известны, не оспаривает важность договора, который связал бы две великие западные демократии с Россией. На самом деле все знают, что такой пакт стал бы самым мощным ударом, нанесенным по экспансионистским поползновениям диктаторов Рима и Берлина... Германия не может ввязаться в конфликт, будучи уверенной, что ей придется воевать на два фронта» [12].

Главным вопросом для СССР на московских переговорах стал пропуск советских войск через территории Польши и Румынии в случае военных действий возможных союзников против Германии. На него французская и английская делегации четкого ответа не давали, поскольку были связаны с этими странами договорами о взаимопомощи. Но главное, они опасались расширения сферы влияния СССР на балтийские и балканские страны.

Трехсторонние переговоры в Москве определенно застопорились с самого начала, и это вызывало закономерное разочарование общественного мнения во Франции, которое поначалу возлагало на них большие надежды. Некоторые французские журналисты в этой ситуации не только критиковали правительство Э. Даладье, но и возлагали основную ответственность за отсутствие прогресса в переговорном процессе на Польшу. Так, журнал «Аффер этранжер» в своем августовском номере писал: «Уже 3 месяца ведутся переговоры между Англией, Францией и Россией, которые пока еще ни к чему не привели. Впрочем, в этом не виновата ни одна из сторон-участниц. Затруднение связано с Польшей, которая не горит желанием пропустить

на свою территорию в случае войны советскую армию». При этом, как признавал журнал, опасения Польши не лишены оснований: «Если нацистская Германия и большевистская Россия борются между собой, ни та, ни другая не могут забыть, что Польша была восстановлена за их счет, на отнятой у них территории» [2, с. 351].

Наиболее активно поддерживала идею формирования советско-французско-британского союза пресса Коммунистической партии Франции. Ее газета «Юманите» писала, что единственным залогом безопасности Польши может быть только такой альянс: «Для польского народа, как и для всех народов, уверенность в том, что они смогут полагаться на руководство Лондона и Парижа при сопротивлении агрессии, может возникнуть лишь тогда, когда в Москве будет подписан трехсторонний протокол» [11].

Но руководители Великобритании и Франции не могли преодолеть своего недоверия к СССР. Чтобы сдвинуть переговоры с мертвой точки и под давлением общественного мнения своих стран, 25 июля 1939 г. западные державы сообщили о согласии начать военные переговоры с Советским Союзом, а 11 августа 1939 г. в Москву прибыли их военные делегации. Однако они были составлены из второстепенных лиц и не имели соответствующих полномочий для подписания документов. Это также свидетельствовало о недостатке доброй воли у французского и английского правительств, их разочаровании в затянувшихся почти на три месяца переговорах.

В последний момент, чтобы вывести обсуждение из тупика, Франция все же решила надавить на Польшу и добилась от нее согласия на проход советских войск через ее территорию. Но было уже слишком поздно (Чубарьян, 2008, с. 27).

Кроме того, французским и английским правительствам и дипломатам не было известно об участвовавших с того же мая месяца (когда было положено начало трехсторонним переговорам в Москве) дипломатических контактах между СССР и гитлеровской Германией. Усилия в этом направлении германская дипломатия решила предпринять, проанализировав выступление Сталина на XVIII съезде ВКП(б), хотя для этого потребовалось некоторое время (Дембски, 2018, с. 80–82). В своем докладе на съезде, произнесенном в марте 1939 г., Сталин обвинил англичан и французов в провоцировании войны и заявил о готовности к «политике мира» в отношении Германии. Перечислив агрессивные акты стран «оси» и заявив, что причиной этого был «отказ большинства неагрессивных стран, и прежде всего Англии и Франции, от политики коллективного отпора агрессорам» и их переход на позицию «нейтралитета», он затем следующим образом формулировал главные задачи советской политики.

«1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами.

2. Не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками» (Сталин, 1939).

Первые попытки представителей Германии прощупать почву для сближения с СССР не дали результатов (Мельтюхов, 2009, с. 131). Ситуация сдвинулась с мертвой точки при посредничестве ориентировавшейся в то время на Германию Болгарии. 14 июня 1939 г. советский посол в Берлине А.Г. Астахов провел встречу со своим болгарским коллегой П. Драгановым. Тот передал ему, что для СССР существует реальная возможность договориться с Германией о разделе сфер влияния в Прибалтике, Румынии (Бессарабии) и пр. Советский посол ответил, что как только СССР получит от Германии заверение в ненападении, он будет готов заключить с ней соглашение. Руководство Болгарии действовало небескорыстно, так как рассчитывало в случае, если сделка состоится, отторгнуть у Румынии и присоединить территорию Добруджи (Спасов, 2008, с. 69). Нужно отметить, что об этих контактах французским журналистам стало известно только после начала войны, осенью 1939 г.

26 июня 1939 г. в СССР поступила из Италии информация о наличии «плана Шуленбурга», предполагавшего поэтапное улучшение советско-германских отношений и заключение пакта о ненападении, а также передачу в советскую сферу интересов Литвы (Мельтюхов, 2009, с. 133).

Лишь 19 августа 1939 г. германо-советское сближение получило широкую известность: в этот день в Берлине было подписано торгово-кредитное соглашение между двумя странами.

Предложенное немецкой стороной как первый шаг в произошедшем улучшении советско-германских отношений, оно стало предварительным условием советской стороны в ходе переговоров летом 1939 г., приведших впоследствии к подписанию договора о ненападении между СССР и Германией.

Хотя речь в советско-германском торгово-кредитном соглашении шла об экономическом взаимодействии между государствами, французские журналисты сразу же обратили внимание на его политическое значение. Так, ежедневное издание французских социалистов «Попюлер» кратко отметило: «Не вызывает сомнения, что в нынешних обстоятельствах этому соглашению приписывают политическое значение. В экономических кругах к значению этого соглашения относятся более сдержанно» [8].

Провинциальная газета «Уэст-Эклер» 22 августа 1939 г. акцентировала внимание на том, что этот договор был заключен на удивление быстро: «Германо-советские торговые переговоры в дни, предшествовавшие заключению соглашения, проходили на удивление легко. Сдержанность советской стороны, которая еще несколько недель назад вызывала серьезные проблемы, теперь оказалась преодолена» [7].

Своеобразную трактовку советско-германского соглашения дала коммунистическая «Юманите», охарактеризовав его как «новую победу, одержанную под красным знаменем»: «Вождь антикоммунизма, Гитлер, который с таким презрением обращается с некоторыми лидерами правительств, оказался вынужден склониться перед мощью и твердостью Советского Союза... Даже в Германии, где народ страдает под ярмом нацизма, он почерпнет в этом событии новые силы для борьбы, увидит в этом признак того, что Гитлер не является непобедимым деспотом, что есть Советский Союз, способный внушить ему уважение» (Gitton, 1939).

Несмотря на то что французская пресса после 19 августа 1939 г. констатировала начавшиеся в советско-германских отношениях изменения, последовавший 23 августа 1939 г. Пакт о ненападении между СССР и Германией оказался для нее глубоким потрясением. Договор являлся столь значимым фактором международной политики, что не оставил ни одно издание нейтральным или равнодушным.

Нетрудно понять, что пакт, как и всю политику СССР в целом, поддержали коммунисты, в том числе на страницах своих периодических изданий: «Резкий поворот гитлеровского фашизма продемонстрировал торжество силы СССР... Признавая могущество страны социализма, Гитлер проявил слабость... Пакт о ненападении разоблачает и, как следствие, ослабляет лагерь поджигателей войны, объединившихся под знаком «Антикоминтерновского пакта», – писала «Юманите» [4].

Однако не все французские коммунисты готовы были безоговорочно одобрять такой поворот внешней политики СССР. О колебаниях в их рядах сообщила социалистическая «Попюлер»: «Часть депутатов-коммунистов осуждает решение Москвы. По некоторым данным, одним членом группы был предложен текст, обличающий резкий поворот Кремля, однако большинство отвергло документ. Факт сам по себе показательный» [10].

Сами социалисты резко осуждали подписание пакта, видя в нем вероломство и предательство СССР, развязывающее руки нацистскому режиму: «Договор откровенно благоприятствует Гитлеру, а значит, благоприятствует войне» [9].

Особенно возмущал авторов статей во французской прессе тот факт, что соглашение Сталина с Гитлером готовилось в то самое время, когда в Москве велись переговоры с Францией и Англией о создании антигитлеровского союза: «Мы констатируем, что правительство СССР уже долго вело тайные переговоры с рейхом. Одновременно оно настаивало на том, чтобы западные страны заключили с ним союз. Как действительно назвать иначе, чем мошенничеством, методы правительства, которое, ведя переговоры с двумя странами о соглашении, призванным уважать интересы страны, находящейся под угрозой, за их спиной заключает договор, который может только поощрить агрессора к действию?.. Советская Россия совершает настоящее преступление против мира» (Bernus, 1939).

Дальнейшее развитие событий французская пресса оценивала пессимистично, прогнозируя резкое усиление военной опасности: «Гитлеровская политика ведет к войне. Если этого хотел канцлер и его союзники, для наций, которым угрожает германизм, остается лишь противопоставить силе силу. Есть основания опасаться, что сорвавшийся с цепи германизм не внемлет голосу разума. Германско-советский пакт развеял все иллюзии касательно морали немецкой политики» [6].

В условиях разочарования французской общественности в советской внешней политике после подписания пакта на страницах периодической печати стали все чаще появляться статьи, авторы которых связывали резкое изменение внешнеполитического курса СССР с особенностями его политического режима. Так, бывший видный деятель ФКП и Коминтерна Борис Суварин, перешедший на антисталинские позиции, писал в одной из старейших и наиболее массовых французских газет «Фигаро», что в политическом строе Советского Союза отсутствуют механизмы коллективной выработки внешнеполитических решений. Все решает единственный вождь по своему усмотрению: «Сталин уничтожил тысячи правых и левых теоретиков, военных и моряков, политиков и дипломатов, рабочих и интеллигентов, способных рано или поздно помешать его политике соглашения с Гитлером. Можно перебирать все возможные гипотезы: среди них не найти более правдоподобной» (Souvarine, 1939).

Другой бывший деятель Коминтерна, порвавший, подобно Суварину, с просоветским коммунистическим движением, Виктор Серж (В.Л. Кибальчич) указывал в католическом журнале «Эспри» на связь советско-германского пакта с возвращением СССР к традиционным геополитическим устремлениям Российской империи и практике разделов сфер влияния в Европе. Хотя Серж не имел информации о сопровождавшем августовский договор секретном дополнительном протоколе, ему удалось довольно точно предсказать дальнейшее развитие событий: «Соглашение с Германией обеспечивает СССР возвращение к границам Российской империи на Балтике и, вполне вероятно, занятие части нынешней территории Польши, [западных областей] Украины и Белоруссии. Возможно также, Бессарабии. А может, и не только их» (Serge, 1939).

Таким образом, первоначально французская пресса разных политических направлений, кроме крайне правых изданий, активно поддерживала идею формирования альянса демократических стран Запада и СССР, направленного на сдерживание военной экспансии гитлеровской Германии и ее союзников. Большие надежды в связи с этим возлагались на московские переговоры между Советским Союзом, Великобританией и Францией. При этом высказывалась даже критика в адрес британско-французской дипломатии за недостаточную готовность идти на сближение с СССР. Однако заключение советско-германского Пакта о ненападении (23 августа 1939 г.) резко изменило ситуацию. Теперь ответственность за провал формирования антигитлеровского союза была возложена на СССР. Защищать внешнеполитическую линию Москвы продолжали только печатные органы ФКП. 26 августа 1939 г. газета «Юманите», позиция которой шла вразрез со сложившимся внешнеполитическим консенсусом, была закрыта французскими властями. Через четыре дня гитлеровские войска вторглись в Польшу, началась Вторая мировая война.

Литература

1. Bernus P. Le Reich et L'URSS s'apprêtent à conclure un pacte de non-aggression // Journal des débats politiques et littéraires. 1939. Le 23 Août.
2. Correspondance d'orient: Questions méditerranéennes. Les dessous du drame Saint-Brige // Affaires étrangères. 1939. № 7. P. 350–353.
3. Daudet L. De Moscou à Paris // L'Action française. 1939. Le 24 Juin.
4. Déclaration du Parti communiste Français // L'Humanité. 1939. Le 25 Août.
5. Gitton M. La «Pravda» souligne le succès que représente pour l'URSS le nouveau traité économique avec l'Allemagne // L'Humanité. 1939. Le 22 Août.
6. Jours de tension // Journal des débats politiques et littéraires. 1939. Le 25 Août.
7. L'accord commercial germano-soviétique est signé // L'Ouest-Éclair. 1939. Le 22 Août.
8. L'accord commercial germano-soviétique // Le Populaire. 1939. Le 21 Août.

9. La commission des Affaires étrangères proclame la volonté de la France de résister à toute agression // Le Populaire. 1939. Le 24 Août.
10. La délibération du Groupe socialiste parlementaire // Le Populaire. 1939. Le 24 Août.
11. Magnien M. Vigilance contre le Munich № 2: Le discours de Cracovie et la mission Riley // L'Humanité. 1939. Le 7 Août.
12. Pour la paix, pour la sécurité française // L'Humanité. 1939. Le 1 Août.
13. Serge V. Le double jeu de Staline // Esprit. 1939. Vol. 7. № 84. P. 790–795.
14. Souvarine B. Depuis longtemps l'URSS désirait un rapprochement avec le Reich // Le Figaro. 1939. Le 23 Août.
15. Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность, 1929–1939 М.: Наука, 1976. 417 с.
16. Гришаева Л.Е. От Версаля к войне... О роли «буферных» государств // Дипломатическая служба. 2019. № 2 (83). С. 16–40.
17. Дембски С. Между Берлином и Москвой: Германно-советские отношения в 1939–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2018. 814 с.
18. Мельтюхов М.И. Советский Союз в европейской политике осени 1938 – лета 1939 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 4. С. 126–142.
19. Спасов Л. Историята на България. 1878–1945. София: Световна библиотека, 2008. 79 с.
20. Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII-м съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. // Правда. 1939. 11 марта.
21. Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис, сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М.: Наука, 2008. 475 с.

Гусев Антон Алексеевич. E-mail: antibulo4ka@gmail.com

Дата поступления: 09.01.2020

Дата принятия к публикации 15.02.2020

**SOVIET FOREIGN POLICY ON THE EVE OF THE WORLD WAR II IN COVERAGE BY
THE FRENCH PERIODICAL PRESS
(MAY–AUGUST 1939)**

DOI: 10.25629/HC.2020.02.01

Gusev A.A.

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the urgent topic of Soviet foreign policy on the eve of World War II and its perception by the French press. The author focuses on how the change in the foreign policy vector of the USSR was perceived in one of the leading Western democracies – France.

Keywords: USSR, France, Germany, foreign policy, negotiations.

Gusev Anton Alexeevich. E-mail: antibulo4ka@gmail.com

Date of receipt 09.01.2020

Date of acceptance 15.02.2020